

В наше богатое на события время три года – это все же не малый срок, чтобы подвести некоторые итоги. Для аграрной науки эти годы были организационными и тревожными. Того, что произошло за указанный период, вполне достаточно, чтобы оценить как и куда развивается отечественная сельскохозяйственная наука. Это очень важно, так как речь идет не о какой-нибудь там развивающейся азиатской или африканской стране, а о нашей родной России – великой еще по многим показателям.

ПО ПОСЛЕДСТВИЯМ совокупности проводимых реформ складывается общее ощущение, что кто-то и где-то очень тонко, предательски умно, постепенно и под громкие патриотические лозунги, но разваливает нашу науку, образование и страну в целом. Уж слишком системно и методически целенаправленно проводятся реформы в этом направлении. Бессистемность, некомпетентность, непрофессионализм переплелись с инертностью мышления, халатностью, словоблудием. Вот некоторые факты, которые складываются в целую систему событий.

Во-первых, у нас была самая передовая в мире система образования. Четкая, понятная, логичная, последовательная, универсальная. От нее во многом отказались, внося много изменений. В частности, убрали среднее техническое образование, ввели различные промежуточные звенья. Усиленно стали готовить бакалавров и магистров, которые при нашем многовековом менталитете и укладе народного хозяйства оказались никому не нужны. В народе их называют разными обидными словами.

Во-вторых, ввели систему платного образования. Ввели непродуманно и бесконтрольно. Она постепенно заменилась на примитивное платное получение различных дипломов без образования. Можно не ходить на занятия, но диплом получишь, только плати. Результат – носителей дипломов много, а специалистов не хватает. Многими крупными ведомствами и департаментами руководят специалисты с дипломами не по профилю вверенной им организации. “Дух Скрынник” еще витает по кабинетам власти.

В-третьих, всю систему научно-исследовательских институтов сельскохозяйственного назначения лишили бюджетного финансирования проводимых ими опытно-конструкторских работ. Ни молодой, ни возрастной ученый не могут проверить свои идеи на натурном образце, чтобы потом запустить новшество в производство. Финансируется в основном зарплата. Даже в командировку трудно направить научного сотрудника – нет средств.

В-четвертых, заводы сельхозмашиностроения приватизировали с нарушением закона о приватизации. Многие потеряли прежнюю профориентацию и элементная машиностроительная база почти перестала существовать. Без зарубежных комплектующих мы уже не можем выпустить ни один трактор и комбайн. Спрашивается: куда обратиться ученому-сельхознику со своими разработками, если отечественная отрасль сельхозмашиностроения влачит жалкое существование, о чем, кстати, я подробно изложил в журнале “Аграрное обозрение” в № 5 за 2014 год. В Россию 20 стран ввозят 80 моделей своих комбайнов и другой техники. Покупаем сеялки, культиваторы, грабли, даже самые простые орудия – бороны. Смешно и стыдно.

В НИИ и вузах закрыли кафедры земледельческой механики и конструирования с.х. машин. Оказалось, не нужны наши отечественные теоретики и конструкторы сельхозмашиностроения. Закрыли в Москве МИИСП – вуз, который готовил инженеров с.х. производства. Его корни уходят еще в царские времена, тогда он был нужен, а сейчас, оказалось, нет.

Но этого оказалось мало. С 1928 года в России успешно работал Всесоюзный, а затем Всероссийский институт сельхозмашиностроения (ВИСХОМ). Единственный в стране. Он возглавлял научное обеспечение отрасли сельхозмашиностроения. Сотни машин создал этот институт. Он носил имя основоположника земледельческой механики, всемирно известного русского ученого академика В.П. Горячкина. В конце 2016 года институт снесли, буквально сравняли с землей. И ни один мускул у правительства страны и московского чиновника не дрогнул. Снесли славу и гордость отечественного сельхозмашиностроения. Кстати, вместе с памятником участникам войны

1941–1945 годов. Понятно. Отрасли почти нет, и институт не нужен. Внутренняя политика с ориентацией на “офис продаж” восторжествовала.

За последние годы из отрасли сельхозмашиностроения ушли Тульский, Краснодарский, Красноярский, Орловский комбайновые заводы, “Дальсельмаш”. Сейчас от Ростова-на-Дону до Владивостока нет ни одного крупного комбайностроительного завода. Вот и возим комбайны от Ростова-на-Дону до Сибири и далее за тысячи километров с громадными транспортными затратами. Свою технику не делаем. Больше 25 лет “сидим на сырьевой игле”. И что интересно. Если судить по телепередачам и прессе, многие “наверху” понимают, что это плохо. Но опять кто-то и где-то не дает соскочить с этой “иглы” и заняться собственным производством промышленных изделий.

В-пятых, правительственные органы не проводят системного социологического анализа научных сотрудников. Не знают, как они живут, могут ли молодые ученые, даже со степенью кандидата наук, прокормить семью из трех человек на

его труд “вливается в труд республики”. Теперь этого нет. Появилось ФАНО с постоянными замечаниями по оформлению научных отчетов и бумагооборотом поручений. Эта организация еще не нашла своего места, своих обязанностей, уровня своей ответственности. И как следствие появились три новых аспекта, которых раньше не было.

Первый – переориентация критериев в оценке научных достижений. Главный критерий – количество публикаций в коммерческих структурах типа Web of Science и Scopus. Кто-нибудь “наверху”, в конце концов, вникнет в глупость этого всего. Почему наш ученый должен кому-то платить за свою статью. Ему должны платить! Почему не создать свою отечественную подобную информационную структуру? Требования к статьям от ныне действующих коммерческих структур не выполняются многими нашими НИИ. В своем большинстве НИИ не имеют своей экспериментальной базы, а без экспериментальных данных статьи не принимаются. Большие трудности с переводом рефератов статей на английский язык.

И что забавно. Объявили о рекордном сборе зерна, а местные газеты Сибири и Дальнего Востока еще продолжали сообщать о ходе уборки.

Мы закрыли свои комбайновые заводы и создали искусственный дефицит комбайнов и другой с.х. техники и утверждаем, что собрали большой урожай зерна. Для сравнения: в 1990 году собрано было около 104 млн. т зерна с площади 63,1 млн. га при количестве комбайнов 407 тыс. шт., а сейчас менее 70 тыс. комбайнов с площади 44 млн. га собрали более 120 млн. т. Кому выгодна такая неправда? Очень просто. Кроме нефти, газа, драгметаллов и оружия, продать нам нечего. Для пополнения ВВП надежды на свою промышленность мало. Что остается? Продать зерно, забрав его у своего птицеводства и животноводства, и обобрать своих граждан разными налогами, включая даже на самую простую личную недвижимость.

Неумение распорядиться собственными ресурсами, природно-климатическими благами, оптимально организовать свое промышленное крупномасштабное произ-

Три года без Россельхозакадемии

научную зарплату? Оказывается, нет. И почему во многих научных лабораториях НИИ осталось по 2–3 возрастных сотрудника, а в сельхозвузы студенты не идут и профессору кафедр переводят на 0,1–0,2 ставки. Представьте, как это унижительно для людей, всю жизнь отдавших образованию и науке. Как это можно объяснить своему внуку. В науку он точно не пойдет.

При таком положении, спрашивается, на какой прогресс можно надеяться. Без науки не будет прогресса.

Единственно, кто мог бы помешать названному беспределу или хотя бы выстроить систему защитных мер, это Россельхозакадемия. Но и ее упразднили, чтобы, по-видимому, не мешала. Она ведь ближе всего была к пониманию всех последствий проводимых реформ. Министерство сельского хозяйства самоустранилось от технической политики в агропромышленном комплексе страны.

Надо признать, что в свое время Россельхозакадемия как-то умудрялась и сплачивала научные силы страны. Выбирались актуальные темы, оказывалась помощь институтам в получении госконтрак-

Бюджетных подразделений для этого нет. Приходится как-то выкручиваться через знакомых или опять платить и платить. У многих отбивается всякая охота и желание что-то творить в таких условиях. Поэтому многие не выдерживают такой обстановки и уходят из науки. Научной базы нет, на опытный образец средств нет, а тут еще возня со статьями, да и к тому же зарплата ниже собственного достоинства. Это ведется разговор только об инженерной науке. О том, что творится сейчас в селекции и семеноводстве, уже можно писать трагедии. Крепко сидим на импорте семян некоторых культур. Очень обнищала наша сельскохозяйственная генетическая наука по оснащенности оборудованием и современной приборной техникой.

Второй аспект – неуважение со стороны руководящих органов к науке, научным рекомендациям. Это и понятно. Раз с “наукой” можно так обращаться, то что ее слушать? И за последние годы появилось еще одно зло. Раньше были три напасти – дураки, дороги и умение красть. Сейчас появилось четвертое зло – системное искажение истины, а проще – круговое вранье.

водство свелось к простой политике – хотя бы что-нибудь экспортировать и как можно больше “содрать” со своих граждан. Раз эффективное производство товаров первой и второй необходимости не налажено, поступления в бюджет не растут, ВВП не увеличивается в нужных размерах – то надо сократить число бюджетных организаций, снизить зарплату, увеличить налоги, поднять цены на продукты, топливо, услуги, включая ЖКХ. Скоро взвоют свыше 25 млн. дачников в стране и пожалуют, что построили на своих сотках крышу над головой, причем не роскошную, а любую.

К сожалению, это все жизненные факты, а внешне нас убеждают, что все хорошо, все хорошо! Вот-вот будет еще лучше. Бюджетникам зарплату повысят, пенсионерам дадут по 5 тыс. руб. один раз за год.

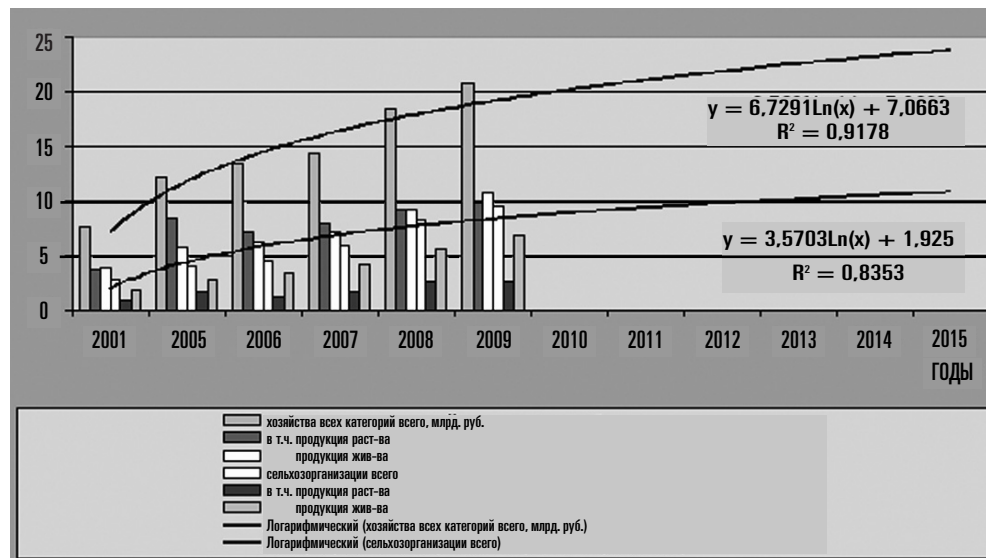
Третий аспект – объединение институтов. В этом направлении сейчас проводится массовая кампания. Но делается это все как-то куце, тупо, механически, без оценки реальной ситуации и перспектив развития. Особенно грустно смотрятся объединения разных институтов, находящихся в разных городах. Как будет функционировать такая система? Почему мы избрали такой дикий путь реорганизации своего образования и науки. Нигде подобного в мире нет. Россельхозакадемия и РАН должны были решать эти вопросы, а не чиновники министерства образования. Но сначала надо было бы тщательно продумать и утвердить концепцию таких объединений. Разрушить старую систему, сократить бюджетников, отнять строительные и материальные ценности у институтов или сконцентрировать усилия ученых вокруг одной общей цели – обеспечить продовольственную, техническую и интеллектуальную безопасность России. Это два полюса этой концепции. Но не тот полюс выбрали, господа.

Таким образом, не надо быть ни левым, ни правым, ни центристом и ни рыночником или плановиком, надо быть простым гражданином своей страны, чтобы понять – что-то неладное творится в нашем государстве. У нас есть все возможности, чтобы принять правильное решение! И это надо срочно сделать.

Три года прошло, но я снова подтверждаю свой прежний тезис, что ликвидация Россельхозакадемии – это диверсия по отношению к настоящему и будущему отечественной сельскохозяйственной науки. Россельхозакадемию надо воссоздать, но на новых принципах, избавившись от прежних пороков. Конечно, они были, но это предмет отдельного обсуждения. Но то, что произошло, на медицинском языке можно сказать примерно так: похоронили живой организм, даже не попробовав его вылечить.

Сельскохозяйственное производство, сельскохозяйственное машиностроение, сельскохозяйственная наука – это оборонные отрасли страны. Именно они вместе с вооруженными силами обеспечивают суверенитет России.

Э.В. ЖАЛНИН,
д.т.н., профессор ФГБНУ
ФНАЦ ВИМ.

тов и грантов. Каждый научный коллектив ежеквартально и ежегодно отчитывался о своей работе. Каждый год директор НИИ (как диссертант) докладывал госкомиссии об итогах своей работы и о работе своего коллектива.

Это был своеобразный экзамен, смотр достижений институтов, программа будущих работ над недостатками. А сейчас что? Комиссию упразднили. Институты отдали свои отчеты в ФАНО – и все. Ни отчета, ни “разбора полетов”, никакой реакции. Россельхозакадемия – это был мощный, хорошо отлаженный координирующий научный механизм. Сейчас его нет. Кто-то эту реформу придумал, чтобы явно навредить нашей науке.

Россельхозакадемия для большинства научных сотрудников этой системы была олицетворением, даже символом государства, правительства, министерства. Главное – она давала ученым ощущение личной востребованности, нужности обществу, полезности. Каждый чувствовал, что

Вот последняя общероссийская подтасовка. Не случайная, а хорошо спланированная. Россельхозакадемия наверняка бы этого не допустила. Официально декларируются колоссальные успехи в сельском хозяйстве. Более 40 млн. га не засеяно, техника в дефиците, 30% хозяйств убыточные, но мы “собрали” больше 120 млн. тонн зерна! Но это же обман! В России сейчас нет столько комбайнов, автомобилей, механизаторов и мощных пунктов по послеуборочной обработке зерна, чтобы собрать и обработать такой урожай. Количество комбайнов в России на 1000 га посевов порядка 1,7–1,8. Это меньше, чем в таких южных странах, как Ботсвана, Уганда, Нигерия и т.п. Получается больше 500 га на один каждый комбайн. Такую нагрузку каждый комбайн не выдержит в агросрок.

Это значит, минимум 2–2,5 месяца непрерывной уборки, притом что на 20-й день простая зерновуха на корню потерит зерна от самоосыпания превышают 30%.